

Андрей Андреев. Вместо венка

Оригинал находится здесь: ["Известия", 13 сентября 2004 г.](#)

Исполняя просьбу редакции – написать несколько слов о брате моем, ныне умершем писателе Леониде Николаевиче Андрееве, – я далек от мысли касаться его литературного наследия. Это дело критики. В этом отношении я могу только сказать, что все его произведения являются не более как слабым отблеском, невнятным эхом тех внутренних бурь, которые волновали его живую, вечно мятущуюся душу.

В годы, предшествовавшие войне, глубоко изменилось миросозерцание писателя. Это новое отношение к жизни явилось не вдруг, оно было результатом всех его страстных исканий, оно явилось, когда пройден им был и посилено, для себя, освещен весь трагический мрак смутного, временного, полного страданий и противоречий, земного предельного бытия.

"Смерти не существует" – вот то новое, что могло в дальнейшем стать основой его будущих произведений.

Мне памятен момент, когда впервые он сказал себе это новое.

Мы были на море, в шхерах. Было солнечное утро и обновленным, светлым, безгранично радостным казался мир. Тихо колыбался на якоре, на голубой утренней волне, мотор. Механик уехал на берег, на остров, и я один сидел на кокпите (видимо, имеется в виду морская яхта Л. Андреева "Далекий". – ред.), ожидая пробуждения брата. Он вышел из каюты особенно радостным и с особым, свойственным ему вниманием стал смотреть в сияющее море.

– Это удивительно, – сказал он, наконец отрываясь, – я проснулся со словами: "и поэтому смерти не существует". Смотрю на море и чувствую то же самое: и поэтому смерти не существует. Сна же припомнить не могу, помню только всю силу, всю неопровержимость того, что привело меня к этой фразе...

В дальнейшем он постоянно в разговорах возвращался к этому новому и смеялся над тем ярлыком "пессимиста", который навесила на него критика. Но, смеясь, в то же время переживал своеобразную драму художника, о которой сам он говорил так:

– Я пишу уже пятнадцать лет. Как с классной доски, на которой много писалось, невозможно стереть следы мела, так невозможно и мне, в новых работах, стереть следы того, что было написано раньше. Меня продолжают именовать пессимистом – определение, которое звучит теперь уже для меня впустую, – и они как будто бы и правы. Но – одновременно и не правы, так как весь вопрос сводится здесь исключительно к закону косности, победить который – задача, стоящая теперь передо мною...

Андреев умер, и тысячи верст отдаляют нас от того гроба, в который положен он на чужбине. И разрозненное, разрушенное революционной грозой, не в силах общество отдать усопшему последнюю дани...

Жестокое одиночество в жизни – вот то, что было уделом Леонида Андреева. Оно было тем "роковым", что лежит, по слову Некрасова, в судьбе русского писателя, оно убивало его, как убивала "роковая" нищета Достоевского, как "роковая" чахотка убивала Надсона. Сидевшие по своим политическим и литературным ячейкам, смотревшие по своим "направлениям", замкнутые в стенах своих "школ", деятели искусства и политики, надев на себя правоверные шоры, не рисковали приближаться в них к писателю – слишком беспокойному, слишком независимому, слишком беспощадному ко всякой нарочитой узости и усыпляющему доктринерству. И если нужно было, в силу партийных соображений, молчать о писателе – молчали скопом, всем "направлением", всею "школой", и если нужно было на него напасть – скопом же и нападали.

...Поздний ноябрьский вечер. В глухом осеннем ненастье, среди темных спящих финских лачуг, горя огнями, возвышается исполином над морем "андреевская" дача. Когда-то, когда строилась она, когда выстроилась, и плотник в восторге пробежал, балансируя, по карнизу семисаженной башни – какое было торжество, "как пышно" было, "как богато"! Рассчитанные на приезжающих комнаты, рассчитанные на гостей лодки и лыжи, огромный кабинет, огромная столовая... Но что-то тихо, что-то слишком уж тихо в огромном доме. Уже месяцы не переступала чужая нога порога андреевского дома...

"Приезжай, необходимо", – телеграфирует мне писатель в Москву и, когда приезжаю я, находит еще силы в себе шутить. Но какая невеселая и страшная шутка!

– Я было думал, – шутит он, – нанять какого-нибудь финна, пусть вечер сидит, все-таки – не один...